

АСТРАХАНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходитъ ежедѣльно по Воскресеньямъ. Годовая цѣна съ пересылкою и доставкою, равно и безъ пересылки и доставки, пять рублей.

№ 9.

Подписка принимается въ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей, при Астраханской Духовной Семинаріи, въ квартирѣ ректора, въ г. Астрахани.

27 Февреля 1877 года.

ОТДѢЛЪ ОФФІЦІАЛЬНЫЙ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Отъ Его Преосвященства Хрисанпа, Епископа Астраханскаго и Енотаевскаго, по случаю произведенной имъ въ августѣ и октябрѣ прошлаго 1876 года ревизіи церквей и причтовъ Астраханскаго и Енотаевскаго уѣздовъ. Объявляется: особая признательность: священнику с. Николаевки, прежде Четырех-Бугорнаго, Астраханскаго уѣзда Василю *Водонитову* за исправность по службѣ и благочііе въ служеніи и особенно за труды по устройству приюта для калмыцкихъ дѣтей въ с. Четырех-Бугоринскомъ; благодарность: священнику с. Самоздѣлки, Астраханскаго уѣзда, Андрею *Монголову* и священнику с. Икрынаго того-же уѣзда Николаю *Кузьмину* за проповѣдническую дѣятельность; одобреніе: священнику с. Волхупекаго Онуфрію *Солнцеву* за исправность по службѣ и доброе вліяніе на прихожанъ, священнику с. Селитреннаго и благочііному 2-го округа Енотаевскаго уѣзда Теодору *Быстролетову* за внѣшній порядокъ по его церкви и благочіію и священнику с. Пироговки, того-же уѣзда, Михаилу *Гусакову* за проповѣдническую дѣятельность и пастырскую заботливость объ образованіи и нравственномъ улучшеніи прихожанъ; и особое одобреніе: священнику с. Сасыкольскаго, Енотаевскаго уѣзда, Павлу *Фіалкину* за проповѣдническую дѣя-

тельность, а равно и за найденный по церкви порядокъ, и священнику с. Харабалинскаго, того-же уѣзда, *Фомѣ Добросердову* за особенное усердіе къ своему служенію и доброе вліяніе на прихожанъ, (31 декабря).

— Открыты церковно-приходскія школы: въ с. Гапошкинскомъ Краснолрскаго уѣзда (22 августа 1876 г.) и въ с. Пироговѣ, Енотаевскаго уѣзда. За открытіе послѣдней школы преподается благословеніе Божіе и благодарность Его Пресвященства со внесеніемъ въ формулярный списокъ священнику означеннаго села *Михайлу Гусакову* (10 февраля).

Отъ Правленія Астраханскаго духовнаго училища.

Въ Астраханскомъ мужскомъ духовномъ училищѣ состоитъ вакантною должность фельдшера при училищной больницѣ. Лица, желающія занять эту должность, могутъ ежедневно до 2-хъ часовъ по полудни, кромѣ дней табельныхъ и воскресныхъ, являться въ Правленіе училища для подачи прошеній и представленія нужныхъ для опредѣленія документовъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

На молитвенныхъ собраніяхъ у субботниковъ.

(Изъ дневника).

Тяжелое грустное чувство испытываешь послѣ посѣщенія молитвенныхъ собраній разныхъ сектантовъ, обильно расплодившихся въ Астраханской губерніи. Нельзя не видѣть, что искреннее, глубокое, религіозное чувство вообще руководитъ сектантами; но несомнѣнно также и то, что это же чувство въ связи съ глубокимъ невѣжествомъ нашего простонародья увлекаетъ сектанта въ тѣ непроходимыя дебри, изъ которыхъ трудно ему и выбраться. Только сильное, но неудовлетворенное по какимъ-бы то нибыло обстоятельствамъ, религіозное чувство въ связи съ невѣжествомъ вообще можетъ заставить нашего крестьянина отказаться отъ вѣры своихъ предковъ, нравовъ и обычаевъ, освященныхъ этою вѣрою, и ради вѣры сблизиться съ евреями, презрѣннымъ отъ всего міра, довѣряться ему въ дѣлѣ вѣры, наивно предполагая въ еврей—талмудистѣ истиннаго хранителя Ветхозавѣтнаго откровенія. Всмотриваешься въ порядокъ моленія субботниковъ, въ ихъ обряды,—и невольно задаешь себѣ вопросъ: неужели-же іудаизмъ, усвоенный нашими жидовствующими въ столь бѣдныхъ формахъ, можетъ удовлетворить то глубокое чувство, какое замѣчается у нихъ? Нѣтъ, хочется сказать, это только одно изъ пробованій

всевозможныхъ религіозныхъ ученій; здѣсь сидятъ кандидаты на секты воскресенниковъ, евангеликовъ, скопцовъ, шалапутовъ и другихъ „людей Вожіихъ“. Всѣ-же они закончатъ свое религіозное скитальничество съ тѣмъ уныніемъ, какое слышится въ слѣдующихъ словахъ одного стараго сектанта: „мы темные люди; мы искали живой вѣры и жизни по вѣрѣ; что будетъ дальше—одному Богу извѣстно; Его святая воля“.

Сѣмя новаго „рода Израилева“ разсыяно въ трехъ уѣздахъ Астраханской губерніи: Енотаевскомъ, Черноярскомъ и Царевскомъ. Во всѣхъ этихъ уѣздахъ общее число субботниковъ простирается до двухъ съ половиною тысячъ. Наибольшее число субботниковъ падаетъ на Царевскій уѣздъ: здѣсь ихъ около двухъ тысячъ. Въ этомъ-же уѣздѣ сосредоточиваются главнымъ образомъ и другія секты. Въ видахъ ознакомленія съ сектантствомъ здѣшняго края и избранъ былъ мною Царевскій уѣздъ, заключающій въ себѣ „гнѣзда сектантства“, какъ выражаются въ своихъ рапортахъ къ епархіальному начальству приходскіе священники о приходахъ, наполненныхъ молоканами.

Знакомый прежде съ молоканами только по устнымъ разсказамъ и печатнымъ извѣстіямъ о нихъ, я представлялъ себѣ молоканъ людьми угрюмыми, необщительными, на моленія которыхъ проникнуть постороннему, особенно городскому человѣку, чрезвычайно трудно. Подъ вліяніемъ такого убѣжденія я придумывалъ дорогою разныя комбинаціи относительно средствъ ознакомленія съ молоканскимъ бытомъ, религіозными вѣрованіями сектантовъ и т. п. Послѣдствія показали, что разсказы о скрытности и нелюдимости молоканъ во всей силѣ не приложимы къ Астраханскимъ молоканамъ. Воскресеники и евангелики охотно вступаютъ съ православными въ разговоръ о религіозныхъ предметахъ, знакомятъ съ своими религіозными вѣрованіями, на молитвенныхъ собраніяхъ предлагаютъ посѣтителямъ мѣсто для сидѣнья, иногда даже между почетными стариками. Но у субботниковъ можно замѣтить нѣкоторые признаки замкнутости, жесткости и озлобленности. При всемъ томъ и они дѣлятся съ постороннимъ посѣтителемъ своими религіозными убѣжденіями.

Мое знакомство съ молоканами вообще и въ частности съ субботниками на первыхъ порахъ значительно облегчалось мѣстными приходскими священниками, любезно предлагавшими мнѣ свои услуги, за что и приношу имъ свою искреннюю благодарность.

Въ іюлѣ прошлаго года, „во одну отъ субботъ“ въ первый разъ мнѣ

пришлось присутствовать на моленіи у субботниковъ одного изъ селъ Царевскаго уѣзда. Такъ-какъ „принсельцы“ этого села не имѣютъ своего молитвеннаго дома, то и молитвенныя собранія ихъ устроиваются не всегда въ одномъ — опредѣленномъ мѣстѣ, а въ разныхъ, болѣе просторныхъ, домахъ, принадлежащихъ „пародамъ Израильскимъ“. Въ субботу, на вечернее моленіе, они условливаются между собою относительно мѣста собранія на слѣдующій „седмый день святая суббота“. Дѣломъ на утреннія моленія субботники начинаютъ сходитьсѣ съ шести часовъ утра и свои религіозныя упражненія продолжаютъ часовъ до одиннадцати. На вечернее моленіе они собираются съ трехъ часовъ по полудни, и въ молитвѣ заканчиваютъ праздникъ „святая суббота“ уже съ заходомъ солнца. На канунѣ одной изъ субботъ я собралъ свѣдѣнія о мѣстѣ, гдѣ будутъ молиться этого дня субботники; оказалось, что на этотъ разъ они соберутся въ сарай. Я пригласилъ одного молодого человѣка проводить меня къ сараю. Въ шесть часовъ утра мы отправились на субботническія моленія. „А вотъ и сарай“, сказалъ мнѣ провожатый, когда мы прешли улицы двѣ—три и вышли на просторную площадь, запытую вѣтряными мельницами, за которыми снова тянулся рядъ крестьянскихъ домовъ; между ними видѣлся и сарай. „Жиды гусеятъ“, снова произнесъ мой спутникъ. „Эго они поютъ псаломъ“. Дѣйствительно, хорвое ихъ пѣніе слышно было на далекое разстояніе отъ сарая... Мы вошли въ сарай.

Какая идиллическая картина! Сколько простоты въ обстановкѣ, среди которой родъ Израилевъ возсылаетъ въ „уеулахъ и псалмахъ“ свои хвалы Іесову! Тесовый большой сарай раздѣленъ перегородкой на двѣ половины: одна занята молящимися Израильщинами, а другая — домашними животными. Значительная часть первой половины завалена свѣженькимъ сѣнцомъ, издававшимъ пріятный запахъ. Оно, конечно, не относилось къ богослужебнымъ принадлежностямъ, а назначалось для коровокъ и лошадокъ, помѣщавшихся за перегородкой. Въ одномъ углу стоялъ самый незамысловатый столъ, покрытый бумажною клѣтчатою скатертью. На столѣ большая славянская Библия съ Новымъ Завѣтомъ, признаваемымъ субботниками человѣческимъ произведеніемъ, составленнымъ, по мнѣнію ихъ, „изъ бесѣдъ человѣка Іисуса и его неразумныхъ послѣдователей, надѣланныхъ своего учителя, по своей слѣпотѣ, божественными свойствами“. Вокругъ стола — скамьи, это сидѣнья для патріарховъ. Поодаль отъ стола разставлены были скамейки для женщинъ и дѣтей. Рядомъ съ Библией лежала псалтирь въ русскомъ переводѣ, изданная

Русскимъ Библейскимъ Обществомъ въ 1824 г. „Эту книгу читали наши-же“, сказала мнѣ въ послѣдствіи одинъ субботникъ, указывая на предисловіе къ псалтири. Я взглянулъ на то мѣсто, куда тынулъ пальцемъ субботникъ; тамъ значились напечатанныя подписи: Серафима митрополита, Филарета архіепископа Московскаго и Симеона архіепископа Ярославскаго. „Это значить, продолжалъ таинственно субботникъ, не отнимая пальца отъ подписей, что эта книга и есть настоящая, оттого она и понятнѣе для насъ“. Въ послѣдствіи объяснилось, что славянскій языкъ жиловствующіе считаютъ „хохлацкимъ“ языкомъ, невразумительнымъ для рода Израилева.

На этотъ разъ собраніе было немногочисленно—всего было не болѣе 25 душъ обоаго пола. При нашемъ входѣ въ сарай мужчины стояли около стола и пѣли псалмы; имъ вторили и женщины, стоявшія по-одоль отъ мужчинъ. Одинъ изъ женщинъ держали на рукахъ грудныхъ дѣтей, другія поглаживали по головкамъ сгруппировавшихся вокругъ нихъ малолѣткоѣ. Тутъ-же стояли и дѣвушки.—Мужчины и женщины молятся съ покрытыми головами. У мужчинъ замѣтна попытка драпироваться въ одежды библейскаго фасона. Болѣе оригинальная костюмировка замѣтна была у двухъ лицъ: одного почтеннаго патріарха—лѣтъ семидесяти и субботническаго наставника Самойлыча. Дѣдушка, такъ называли субботники упомянутаго старика, имѣлъ на головѣ плисовую ермолку, устроенную на подобіе нашей черной скуфы; на туловище надѣлъ длинный жилетъ особаго покроя,—это ряса; на ногахъ длинныя суконныя чулки, снизу обшитыя грубою питочною вязью. Въ чулки, доходившіе до колѣнъ, вбиралась нижняя часть панталонъ широкихъ—бѣлыхъ холщовыхъ, свободныя же части, сдавленные сверху рясами, а снизу чулками, отдувались, какъ надутыя пузыри. Широкая, длинная, сѣдая борода роскошно красовалась на всей груди дѣдушки. Онъ дѣйствительно могъ-бы изобразить, по своему внѣшнему виду, библейскаго патріарха, если-бы чулки не портили нижней части его фигуры; снизу дѣдушка представляется обыкновеннымъ лапотникомъ. Онъ говорилъ и пѣлъ старческимъ басомъ. Субботническій наставникъ не могъ соперничать своею фигуροю съ дѣдушкой. Самойлычъ—эта маленькая, сухенькая, вертлявая фигурка съ рыжеватою, скудною волосомъ, бородкой, съ злымъ выраженіемъ въ лицѣ, съ пискливымъ голосомъ. На головѣ Самойлыча, обильно умащенной елеемъ, красовалась бѣлая, вывязанная изъ бѣлыхъ толстыхъ нитокъ, ермолка; изъ подъ рясы выпущена была длинная ситцевая сорочка; суконныя чулки не имѣли подшивовъ.

Другіе субботники имѣли на головахъ плісовыя фуражки безъ козырьковъ. Нѣкоторые же мужчины вовсе не имѣли вышеуказанныхъ отличій. На жекцидахъ парадъ обыкновенный — крестьянскій.

Родъ Израилевъ, собравшійся въ сараѣ, пѣлъ о томъ, что благое дѣло — возвѣщать утромъ милость Божію „на десятострунномъ и псалтери, съ пѣсною на гусяхъ.... Вотъ Твой, Господи,—вотъ враги Твои гибнутъ и разсыпаются все дѣлающіе беззаконіе; а мой рогъ Ты возносишь, какъ рогъ единорога, и я умаленъ свѣжиль елсемъ“ (*).

Это начальный псаломъ утренняго моленія жидовствующихъ. Псаломъ пѣли великимъ гласомъ и со сладкопѣніемъ. Самойловичъ прочитывалъ каждый стихъ — канонариши; Захаръ Данилычъ — бѣлокурый молодой человекъ — подхватывалъ на голосъ начальное слово прочитаннаго стиха. Къ голосу Данилыча присоединялись голоса другихъ молящихся. Захаръ Данилычъ — хуторянинъ — служилъ на этотъ разъ запѣвалой; онъ, видимо, любилъ вычурности въ пѣніи. Когда его высокий, нѣсколько козлиный, теноръ ослабѣвалъ, то обязанность запѣвалы исполнила одна пожилая, черная, съ выразительными чертами лица женщина. Это — „пѣвница“, дискантъ которой господствовала надъ всею массою голосовъ молящихся. Дѣдушка басилъ, — но басилъ съ важностію, ерстворенною умиленіемъ. Молитвенное его настроеніе видимо отражалось на всей его фигурѣ. Онъ смущался всякій разъ, когда Данилычъ, любившій вычурность, выпнетъ какой нибудь неожиданный вавилонъ и собьетъ съ тона другихъ пѣвцовъ. „Ты, Данилычъ, деликатно замѣтитъ дѣдушка, ради насъ — стариковъ пѣль-бы попроче; мы не поспѣемъ за тобой и тебѣ-же мѣнаемъ“. Басовую партію съ дѣдушкой держалъ громадный субботникъ съ могучою, но грубою, октавою.

Богослуженіе субботниковъ состоитъ изъ трехъ частей: пѣнія псалмовъ, собственно моленія, т. е. чтенія молитвъ, заимствованныхъ изъ Вибліи, и толкованія Вибліи. Порядокъ моленія опредѣленъ для четырехъ службъ — вечерни въ пятницу подъ субботу и трехъ субботнихъ службъ — утрени, обѣдни и вечерни. Порядокъ псалмопѣнія, чтеній молитвъ, видоизмѣняется только на такихъ праздникахъ, какъ Пасха, куци, посты и т. п. Это видоизмѣненіе состоитъ только въ иномъ подборѣ псалмовъ и чтеній, приличествующихъ времени.

(*) Псал. 91-й. Здѣсь приводятся, и далѣе будутъ приводиться, псалмы въ русскомъ переводѣ, издавномъ по благословенію Св. Синода.

Псалмы поются разными „тонами“ — веселымъ и важнымъ — протяжнымъ. Вообще же субботническое пѣніе утомительно протяжно. Всѣхъ положенныхъ псалмовъ невозможно было-бы и пропѣть во весь день, если-бы субботники каждый псаломъ пѣли отъ начала до конца. Но они, какъ и евангелии, поютъ только нѣсколько первыхъ стиховъ, а остальные прочитываются речитативомъ подъ диктовку руководителя молитвеннаго собранія. Напѣвы псалмовъ такіе-же, какъ и у молочанъ, за немногимъ исключеніемъ. Пѣніе включаетъ въ себѣ много элементовъ музыки простонародныхъ пѣсенъ. Приемы въ пѣніи также простонародные. Съ другой стороны субботническіе „тоны“ напоминаютъ октоиховые напѣвы. Каждое слово растягивается вставкою почти всѣхъ гласныхъ русскаго алфавита. Напр. слово „благо“ допускаетъ слѣдующія вставки: Бэ-а-ла-а-о-а-ія-а-го-бла-го.

При пѣніи псалмовъ всѣ присутствующіе поднимаются съ своихъ мѣстъ. Наставникъ объявляетъ номеръ псалма, предназначеннаго къ пѣнію, читаетъ стихъ или часть его, если онъ большой; запѣвало начинаетъ пѣть этотъ стихъ, показывая другимъ напѣвъ псалма; къ нему присоединяютъ свои голоса остальные субботники. Диктовка продолжается до конца псалма. Она производится въ тѣхъ видахъ, что молящіеся не всѣ умѣютъ читать, а для умѣющихъ читать не имѣется достаточнаго числа экземпляровъ псалтири. Если въ псалмѣ встрѣчается слово: „поклонимся“ (Богу)— всѣ дѣлаютъ земной поклонъ; при словѣ помолимся — поясной поклонъ.

По окончаніи псалма „Благо есть славить Господа“ всѣ субботники поклонились другъ-другу. (При входѣ въ молельню они кланяются къ столу, гдѣ сидятъ старики. Поклоны дѣлаются и въ томъ случаѣ, если кто либо выходитъ изъ собранія по какимъ-либо надобностямъ и снова входитъ въ собраніе). Послѣ псалма субботники, произнеши молитву: „Возстаните, благословите Господа“ (*), подъ рядъ пропѣли шесть псалмовъ (**). Начали съ пятаго псалма: Услышь, Господи, слова мои и проч. Во всѣхъ этихъ псалмахъ, прославляя всемогущество Божіе, милость и истину Всевышняго, родъ Израилевъ просилъ Бога путеводить его въ правдѣ Божіей ради враговъ „пришельцевъ“ и осудить послѣднихъ по мпожеству нечестія ихъ. Величественнымъ казался дѣдушка, когда пѣли слѣдующіе стихи. „Всегда видѣлъ я предъ собою Господа... Отъ того возрадовалось сердце мое и возвеселился языкъ мой; даже и плоть моя успокоится въ упованіи... Ты указалъ мнѣ путь жизни: полнота

(*) См. ниже. (**) Псал. 5, 15, 18, 35, 84 и 89.

радостей предъ лицомъ Твоимъ, блаженство въ десницѣ Твоей во вѣкъ“^(*). Или еще: „Всѣ наши дни прошахъ во гнѣвъ Твоемъ; мы терпимъ, лѣта наши, какъ звукъ. Дней лѣтъ нашихъ семьдесятъ лѣтъ, а при большой крѣпости—восемьдесятъ лѣтъ; и самая лучшая пора ихъ—трудъ и болѣзнь, ибо проходить быстро, и мы летимъ... Обратись, Господи! Доколы? Умилосердись надъ рабами“^(**). Дѣдушка весь погрузился въ молитву; его глаза обращены были къ небу. Если принять во вниманіе многотрудную жизнь этого старика, его религиозную неудовлетворенность, вслѣдствіе которой онъ оставилъ православіе, сдѣлаясь воскресникомъ, а потомъ, принявъ обрѣзаніе, не нацѣль и въ жидовствѣ некогого,—то можно гадать о тѣхъ чувствахъ, которыми наполняли душу его. Стоя на краю могилы, онъ не думалъ переѣхать своей вѣры; сознавая ея недостаточность, онъ въ тоже время сознавалъ свое безсиліе, дѣлающее невозможнымъ для него переходъ въ православіе: нуждающійся на старости въ покоѣ, онъ былъ-бы оставленъ на произволъ судьбы своими родственниками—субботниками, въ случаѣ его перехода въ православіе. „И искалъ Бога всю жизнь, а что будетъ дальше,—Его святая воля“—вотъ что отражалось на лицѣ дѣдушки.

Послѣ псаломѣвнн Самойловичъ произнесъ „приказъ“, имѣющій цѣлью возбудить вниманіе у присутствующихъ къ имѣющимъ читаться заповѣдямъ: „Внимай, народъ мой, закону моему, приклоните ухо ваше къ словамъ устъ моихъ. Открою уста мои въ поштычѣ, и произнесу гаданія изъ древности. Что слышали мы, и узнали, и отцы наши рассказали намъ, не скроемъ отъ дѣтей ихъ, воздвигая роду грядущему славу Господа, и славу Его, и чудеса Его, которыя Онъ сотворилъ. Онъ постановилъ уставъ въ Иаковѣ, и положилъ завоѣ къ Израилѣ, который заповѣдалъ отцамъ нашимъ воздвигать дѣтямъ ихъ, чтобы знали грядущій родъ, дѣти, которыя родятся, и чтобы они въ свое время воздвигали своимъ дѣтямъ, возлагать надежду свою на Бога, и не забывать дѣла Божіихъ, и хранить заповѣди Его“^(***). За приказомъ прочитана была заповѣдь Господня о раснахъ, какъ говорили мнѣ субботники. „И рече Господь къ Мойсею, глаголю: Глаголи сынамъ Израилевымъ, и речени имъ: и да сотворять себѣ расны (кисти) на воскриліяхъ ризъ своихъ въ роды своя: и возложите на расны придеіе синее (нитки изъ голубой шерсти): и будетъ вамъ на раснахъ, и узрите ихъ, и воспомянете вся заповѣди Господни, и сотворите я, и не развратитесь въ слѣдъ мыслей сво-

(*) Псал. 15-й. (**) Псал. 89-й. (***) Псал. 77. 1—7 ст.

ихъ, и въ слѣдъ очесъ вапихъ, ими же вы соблудисте въ слѣдъ ихъ“ и проч. (*). Послѣ заповѣди о вѣстяхъ и вѣтяхъ изъ толубой шерсти прочитаю было десятословіе (**). Заповѣди читаль Самойлычъ; онъ старался читать выразительно и съ чувствомъ. Послѣ чтенія заповѣдей произнесены были молитвы Нееман (***) и Исуса, сына Сирахова (****). Съ приподнятыми руками къ верху, колѣнопреклоненные, читали субботники эти молитвы тихо, шептативомъ, всё въ одинъ тонъ. Въ первой молитвѣ они молились, чтобы Господь, за грѣхи разсѣявшій сыновъ Израилевыхъ по народамъ, собралъ ихъ оттуда и привелъ на мѣсто, которое Онъ избереть. Во второй—избавленный отъ погребели родъ Израилевъ славить Бога-Спасителя. Окончивъ молитвы, субботники сѣли еще два псалма—66-й и 62-й. Шестидесятъ второй псаломъ заключаетъ вторую часть утренней службы. „Воже! Ты Богъ мой, Тебя отъ ранней зари ищу я; Тебя жаждеть душа моя, по Тебѣ томится плоть моя въ землѣ сухой, изсохшей и безилодной, чтобы видѣть славу Твою“ и проч. Поклонившись другъ-другу, жидовствующие всё сѣли по скамьямъ.†

— Извиняй, гость, сказала дѣдушка, обращаясь ко мнѣ, что мы, заявившись молитвою, не могли посадить тебя. Сядисъ, гдѣ хочешь. Субботники стали спрашивать у меня: кто я, откуда и съ какою цѣлю пришелъ къ нимъ на моленіе. Я сказалъ имъ о цѣли своего посѣщенія ихъ собраний.

— Ну, посмотри на нашихъ патріарховъ, проговорилъ дѣдушка съ улыбкой, поглядывая на сидѣвшихъ вокругъ стола стариковъ.

— Что, старики, будемъ читать, проницаль Самойлычъ.

— Ты, чай, знаешь, на чемъ остановилсѣ, загудѣлъ октавистый субботникъ; ну, и читай дальше; чего спрашиваешь?

— А мнѣ хотѣлось-бы послушать изъ правоученія, возразилъ бѣловолосый заѣвало. „Нужно стараться больше жить по правоученію, а то жизнь наша небольшо-то хороша. На хуторахъ мы совсѣмъ отвыкли отъ закона“.

— А ты зачѣмъ-же отвыкаешь отъ закона? Отозвался третій субботникъ.

— Такъ что-жъ читать, старики? Опять спросилъ Самойлычъ, незнавшій чье уважить заявленіе.

— Чего грызетесъ, выѣшался дѣдушка. Читай, Самойлычъ, сначала порядковую главу а потомъ главу изъ правоученія; вотъ и угодишь всѣмъ.

Самойлычъ началъ читать порядковую главу.

(*) Числ. гл. 15 ст. 37—41. (**) Исх. 20 гл. 1—19 ст. (***) Неем. 1 г. ст. 5—11. (****) Ев. Перем. Ис. Сына Сир. гл. 51.

— „Что такъ-то читать“, вмѣшался опять неутомимый заговяло. „Мы сами читаемъ дома Библію; главное — толковать; чтожь, ты, Самойлычъ, не толкуешь?“

— Ну, и толкуй; чего-жь ты кричишь? Я начну читать отъ начала, обиженно проголосилъ Самойлычъ.

— Нужно, нужно толковать, заговорило въ одинъ разъ нѣсколько голосовъ. — Читай Самойлычъ сначала.

Самойлычъ сталъ читать сначала, а старики принялись толковать читанное. Толкованія большею частью состояли въ неуѣломъ пересказѣ прочитаннаго стиха; ктонибудь изъ стариковъ присоединить къ пересказу наглядный примѣръ изъ своей обыденной жизни. Иногда сряду заговорить нѣсколько стариковъ по поводу разныхъ словъ одного и того-же стиха. Одинъ толкуетъ одно слово, другой — другое. Случалось и такъ, что кто-либо изъ стариковъ скажетъ вовсе неподходящее. Всѣ молчать, ожидалъ дальнѣйшихъ разъясненій отъ своего брата. Но тотъ самъ неожиданно обращается съ вопросомъ: „Ну, старики, такъ какъ же это понимается?“ — „Читай, Самойлычъ, дальше“, промолвить кто-нибудь, и Самойлычъ выкрикиваетъ своимъ жиденькимъ голоскомъ: „человѣкъ къ человѣкъ ко всякому ближнему плоти своя да не приступить, открыти срамоты. Срамоты отца твоего, и срамоты матери твоея да не открыши: мать бо твоя есть, да не открыши срамоты ея“.

— Теперь, заговорилъ одинъ субботникъ; надо понимать такъ, что эти грѣхи были у народа Божьяго, коли полагается не дѣлать ихъ.

Нѣсколько голосовъ: надо полагать были... должно былъ грѣхъ... были грѣхи! были... были...

Какъ не быть! прогрѣмѣла въ заключеніе октава...

— „Срамоты невѣстки твоея да неоткроши, жена бо сына твоего есть, да неоткроши срамоты ея... И къ женѣ ближняго твоего да не даси ложа сѣмени твоего оскверниться съ нею“; (*)

— Это старики должно наблюдать, заговорилъ одинъ субботникъ.

— Какъ-же не наблюдать, коли написано, отвѣчалъ ему другой.

Вообще стихи о срамотѣ мало толковались. Потому-ли, что здѣсь нечего было толковать, а требовалось принять къ свѣдѣнію и надлежащему исполненію, или-же, потому, что толкователей стѣсняло присутствіе женщинъ. При этомъ вспоминался мнѣ разсказъ одного сельскаго жителя, хорошо знакомаго съ крестьянскимъ бытомъ, — разсказъ объ одномъ грѣхѣ, замѣчаемомъ въ семей-

(*) Лев. 18 гл.

ной жизни нашего простонародья, особенно-же у молоканъ. Можетъ быть этотъ грубхъ и былъ причиною того, что стихи о срамотѣ пропущены были безъ толкованія.

— И пожинающимъ вамъ жатву земли вашей, да не скончаеъ жатвы вашей, нивы твоея пожинанія: и падающихъ класъ отъ жатвы твоея да не соберещи: и винограда твоего вторицею да не оберещи, ниже грезнь винограда твоего да соберещи: нищему и пришельцу да оставиши я. (**).

— Это значить, затолковалъ скороговоркой Самойлычъ, не должно сгребать дочиста всѣхъ колосьевъ и обрывать всѣ виноградныя ягоды: пусть подбереть ихъ нищій и странный человекъ.

— Вѣрно истолковано! сказалъ одинъ субботникъ съ чрезвычайно кроткою физиономіей.

Пора-бы толковать правоученіе, прервалъ Самойлыча Захаръ Данилычъ, смекнувшій, что его наставникъ представилъ толкованіе уже на вторую порядковую главу.

Стали толковать правоученіе.

Притчи Соломона сына Давидова, иже царствова-во Израилѣ. Да дастъ незлобивымъ коварство, отрочати же юну чувство же и смыслъ.

— Чудно, заговорилъ одинъ субботникъ, какъ-бы размышлявшій въ слухъ самъ съ собою: незлобивымъ коварство? Вѣдь коварство имѣеть нехорошій смыслъ: зачѣмъ-же незлобивымъ—хорошимъ людямъ—давать дурное?

— Ничего тутъ чуднаго нѣту-ти, заревѣла октава. Я говорю проворному мальчонку: экой ты собака! Это значить, я похвалилъ мальчонка. А если скажу мужику: собака!—онъ разобидится. Или вотъ: Уй, шельма нашъ паренъ! говорю я разбитному человекъ,—это я хорошо сказалъ ему, похвалилъ его. А скажи другому—оскорбится. Значить, самоувѣренно заключаетъ октава, коварство у незлобивыхъ означаетъ доброе. Вѣрно я растолковалъ, старики!

— Какъ невѣрно? Вѣрно, вѣрно! посыпалось съ разныхъ сторонъ.

— Пора-бы, старики, начать моленіе, замѣтилъ субботническій наставникъ Самойлычъ. Солнце уже высоконько, добавилъ онъ, поглядывая прищуренными своими маленькими глазками въ щели плохо сколоченой тесовой крыши сарая. Душенько сегодня!

Парить! сказала октава, снимая съ себя рясны.

(**) Тамъ-же 19 гл.

— Хорошо-бы теперь роду Израилеву освѣжиться дождевикомъ, проговорила суботникъ съ скромною физиономіей. Дажь дождь земли жаждущей, Спасе!

— Это ты по православному хватилъ, замѣтила ему иѣвница.

— Привычки говорю, смиренно отвѣтствовала кроткая физиономія, недавно совратившаяся изъ православія.

К. Поповъ.

(Продолженіе будетъ).

П О У Ч Е Н І Я

О СОСТРАДАНІИ КЪ ЖИВОТНЫМЪ.

(Продолженіе) (*).

ПОУЧЕНІЕ ТРЕТЬЕ

О томъ, что значитъ быть сострадательнымъ къ животнымъ.

Два раза говорилъ я вамъ, братія мои, о состраданіи къ животнымъ; а не объяснилъ, что значитъ это состраданіе, какими дѣлами должно выражаться оно. Но изъ того, что было сказано мною, вы отчасти могли понять это. Остальное, думалъ я, доскажетъ вамъ доброе, христіанское сердце ваше.

Да, доброе сердце вѣстѣ съ доброю совѣстію, дѣлають много добра на свѣтѣ. Иной я не много знаю, но съ добрымъ сердцемъ дѣлаеть больше добра, чѣмъ многосвѣдующій, у котораго черствое сердце. *Добрый чело-вѣкъ изъ добраго сокровища сердца своего выноситъ доброе* (Лук. VI, 45), говоритъ всеблагій Спаситель. Добрый христіанинъ хочетъ и старается о томъ, чтобы не ему одному было хорошо жить на свѣтѣ, но и всему, что вокругъ него живетъ. Ему радостно, когда другіе радуются; онъ скорбитъ, когда страдаетъ не только онъ самъ, но и его собратья и всякое живое твореніе, служащее челоуѣку на пользу. Онъ готовъ обнять и вмѣстить въ своемъ добромъ сердцѣ весь міръ Божій.

Но такъ-ли легко имѣть доброе сердце, какъ легко говорить о немъ? О, если-бы это было легко, то нѣ было-бы нужды и учить насъ много добру, и не было-бы въ мірѣ того зла, которое дѣлають люди! Ибо корень всего зла въ нечистомъ и зломъ сердцѣ: *изъ сердца исходятъ злыя помыслы, убійства, прелюбодѣнія, любодѣнія, кражи, лжесвидѣтельства, хуленія* (Матѣ. XV, 19), говоритъ сердцеуѣдецъ нашъ Спаситель. *Всякъ*

(*) См. №№ 7 и 8.

изъ насъ, по ученію Слова Божія, *помышляетъ въ сердцѣ своемъ прилежно на злою по вся дни* (Быт. VI, 5). Иной, по видимому, и добръ, но его такимъ считаютъ потому, что онъ не дѣлаетъ зла. А дѣлаетъ-ли онъ добро; чтобы быть истинно-добрымъ? Другой горячится и обижаетъ, а потомъ, стыдись совѣсти, старается загладить свою вину. Мы и тому рады, и называемъ его добрымъ. А всякъ больше добръ для себя, но не для другихъ. Не такую доброту заповѣдуетъ намъ Господь. Христіанская доброта ищетъ не своихъ выгодъ, а пользу и счастья ближняго. А всеблагій Господь такъ устрояетъ, что изъ пользы, которую мы хотѣли оказать ближнему, выходитъ добро и для насъ. Мы должны учиться этой добротѣ: *любовь, правда и милость* — вотъ ея плоды! Она простирается и на животныхъ. И если наше недоброе сердце не можетъ научить насъ, какими дѣлами должна обнаруживаться въ насъ эта любовь, правда и милость въ отношеніи къ животнымъ, то послушаемъ по крайней мѣрѣ внушеній здраваго смысла, руководимаго св. вѣрною Христовой.

И такъ, что значить быть сострадательнымъ къ животнымъ?

Состраданіе болѣе или менѣе понятно всякому, кто терпѣлъ скорби и горе и видѣлъ въ это время вниманіе людей къ своей долѣ. Поэтому намъ нужно вспомнить и представить людскія скорби, сравнить съ ними страданія животныхъ, — и мы легко поймемъ, чѣмъ должно выражаться состраданіе въ нашъ насъ тварямъ.

Представьте себѣ, братія мои, что васъ непріатели взяли въ плѣнъ и продали васъ въ рабство; на васъ наложили тяжкій трудъ, превышающій ваши силы. Вы однако-же тянетесь изъ послѣднихъ силъ, чтобы исполнить назначенныя вамъ работы. Ваши силы ослабѣваютъ; вамъ нуженъ хоть краткій стдыхъ; чтобы перевести дыханіе: но вашему тѣлу угрожаетъ висящій надъ головою бичъ. Васъ не щадятъ ни въ какую погоду. Вы не слышите ласковаго слова; на васъ сыплются только брань и ругательства. Васъ утѣшаетъ надежда на хорошій кормъ и теплый ночной пріютъ, но напрасно! Хозяева ваши объ этомъ не заботятся: вамъ съ презрѣніемъ бросаютъ что-то похожее на хлѣбъ, ваша одежда вся въ лохмотьяхъ, печѣмъ прикрытъ наготу, печѣмъ согрѣться! Тяжело ваше положеніе. Много пользы получаютъ хозяева отъ вашихъ тяжелыхъ трудовъ, а не жалѣютъ васъ. „Какіе безжалостные, какіе жестокіе хозяева!“ сказалъ бы всякій посторонній человекъ, видящій ваше горе: „такая жизнь хуже смерти“.

Не такъ же ли жестоко поступаютъ и тѣ хозяева, которые не имѣютъ сожалѣнія къ рабочему скоту, — наваливаютъ на него тяжкія работы, превышающія его силы, а кормятъ плохо и содержатъ нечисто и небрежно. Между тѣмъ самое простое чувство справедливости требуетъ, чтобы, получая пользу отъ рабочаго животнаго, мы не только не подвергали его незаслуженнымъ изстязаніямъ, но и берегли его силы и хорошо кормили его.

Знаю, братія мои, что многіе изъ васъ сами не имѣютъ хорошаго крова и вкусной пищи. „Гдѣ тутъ думать о скотинѣ, скажете вы, когда и самъ иногда голодаешь“? Скорблю объ васъ, братія; но какъ вспоминая, сколько трудовой копѣйки вашей уходитъ на хмѣльные напитки, то думаю, что бѣдность многихъ происходитъ отъ неблагоразумія и невоздержанія.

Представьте себѣ еще, братія мои, что малолѣтнее дитя ваше безсознательно и ненамѣренно сдѣлало какой-либо вредъ вашему сосѣду, — и онъ, давъ волю своему гнѣву и мщенію, окалѣчилъ несмыслящаго младенца. Какимъ жестокимъ варваромъ назвали-бы вы вашего недобраго сосѣда! А не тоже-ли, или не подобное-ли дѣлаютъ тѣ, которые калѣчатъ рабочую скотину, забравшюся въ огородъ или потравившю ихъ посѣвы? Имѣйте состраданіе къ животнымъ. Прогоните ихъ, но не бейте, ибо они ничего не понимаютъ; нитался на вашихъ посѣвахъ, они не знаютъ, что этимъ причиняютъ убытки и вредъ вашему хозяйству. Взыщите съ хозяина, который не смотритъ за своими животными.

Представьте себѣ и такое несчастіе: въ глухой, незнаемой вами, степи застигла васъ метель; вы бредете, куда глаза глядятъ; но ваши силы слабѣютъ; вдали ничего не видно, вамъ угрожаетъ смерть; на помощь нѣтъ надежды. Но вотъ въ неясномъ туманѣ видится вамъ, что кто-то ѣдетъ вамъ на встрѣчу. Ваши силы оживаютъ, вы съ нетерпѣніемъ ждете помощи. Къ вамъ приблизились, — вы бросились съ мольбою объ избавленіи отъ бѣды; но вамъ ничего не отвѣтили и равнодушно проѣхали мимо васъ; проѣзжимъ некогда заниматься вашимъ горемъ: они сѣшать по своимъ дѣламъ. „Какіе безжалостные, какіе жестокіе“! скажете вы. „Нѣтъ въ нихъ ни капли состраданія къ несчастію ближняго“! — Справедливо ли обижаться ихъ равнодушіемъ? Вѣдь они не сдѣлали вамъ никакого зла? „Нѣтъ, скажете вы, они злы, потому что не сдѣлали намъ добра въ нашемъ несчастіи“! — А не такъ ли поступаете вы, братія, когда молча проходите мимо нещадно біющихъ рабочій скотъ? Вы тоже думаете, что вамъ нѣтъ дѣла до чужой скотины, что пусть

хозяева сами берегутъ свое добро. Нѣтъ, вы въ такомъ случаѣ безжалостные люди. Вашего молчанія нельзя оправдать. Ваше дѣло остановиться и вразумить жестокаго собрата и избавить отъ угнетенія животное. Не оправдывайтесь тѣмъ, что онъ не послушаетъ вашего слова, что брань и ругательства, которыми онъ сопровождаетъ бичеваніе животного, посыпятся и на васъ. Не будьте слишкомъ самолюбивы. Брань неразумнаго человѣка не должна оскорблять васъ: она не можетъ лишить васъ чести, — и, безъ сомнѣнія, не причинить вамъ такой боли, какую терпитъ бѣдное животное. Вы боитесь, что онъ васъ не послушаетъ. Но если одинъ добрый человѣкъ вступится за угнетаемое животное, другой прибавитъ отъ себя слово вразумленія, третій не пройдетъ молча, — тогда жестокій по неволѣ подумаетъ и поразмыслитъ о своей жестокости.

Вы скажете: люди — не животныя, и скорбь людскія не то, что страданія безмысленной твари. Вы правы, но не совѣмъ. Если хотите быть сострадательными къ людямъ, то будьте такими и къ животнымъ. Есть и у человѣка много тѣлесныхъ страданій; въ сострадательной помощи часто нуждается животная сторона его природы. Заботясь о своихъ тѣлесныхъ нуждахъ, не забудьте и нужды животныхъ, имѣющихъ подобное вашему тѣлу. У человѣка есть разумъ, который часто можетъ помочь ему въ бѣдѣ; у него есть языкъ, которымъ онъ можетъ высказать свое горе и вымолить состраданіе ближнихъ; у него есть нѣкоторая свобода, чтобы иногда избавиться отъ гнета своихъ собратій. Животное лишено всего этого. Оно все въ нашихъ рукахъ; трудится для насъ и страдаетъ, не говоря намъ о своемъ страданіи и не имѣя силъ избавиться отъ нашей жестокой власти. Не заслуживаетъ ли оно по этому состраданія и жалости?

Мы не оспариваемъ права и власти человѣка надъ животными. Эта власть дана намъ самимъ Творцемъ. Мы имѣемъ право пользоваться ихъ трудомъ и питаться ихъ тѣломъ. Но этимъ правомъ нужно пользоваться разумно и сострадательно. Пользуясь трудомъ животныхъ, мы должны заботиться и объ ихъ благѣ, какъ разумные о неразумныхъ. При самомъ умерщвленіи животныхъ, должно заботиться о томъ, чтобы они какъ можно менѣ страдали.

Вы легко могли понять, братія, что все, сказанное мною, относится главнымъ образомъ къ рабочимъ и домашнимъ животнымъ, служащимъ на пользу человѣка. Животныя дикія менѣ подвластны теперь человѣку, и потому менѣ испытываютъ его жестокость. Отецъ нашъ небесный даровавъ имъ

жизнь, указавъ имъ мѣсто въ великомъ мірѣ. Своимъ и питаетъ ихъ. Но если человекъ и на нихъ простираетъ власть свою, то и она имѣютъ право на состраданіе. Нашъ законъ, руководясь этимъ добрымъ чувствомъ, запрещаетъ наприм. губить животныхъ весною, когда все въ мірѣ Божиимъ разцвѣтаетъ и все живое чувствуетъ великое благо жизни. Правда, есть животные, приносящія вредъ человѣку и истребляющія плоды его тяжелыхъ трудовъ. Такихъ животныхъ нужно истреблять; но это истребленіе ихъ, какъ дѣло необходимости, не должно развирать въ насъ жестокости. Нужно, по возможности, скоро прекращать жизнь ихъ. Дѣло недостойное христіанина — умышленно давать страданія умерщвляемыхъ животныхъ и, такъ сказать, находить удовольствіе и наслажденіе въ мукахъ ихъ. Жестокость къ животнымъ часто приноситъ большой вредъ душѣ самого человѣка. Объ этомъ я побесѣдую съ вами, братія, въ другой разъ. А теперь кратко повторю сказанное мною сегодня.

Больше всего имѣютъ право на состраданіе животныя рабочія и домашнія, служащія на пользу человѣка. Это состраданіе требуетъ:

1) Чтобы мы не обременяли ихъ работами, превышающими ихъ силы, изнуряющими и сокращающими ихъ жизнь.

2) Чтобы не мучили ихъ побоями и бичеваніемъ, когда видимъ, что у нихъ недостаетъ силъ для тяжелой работы.

3) Чтобы, питаясь ихъ работами и самою плотію, давали имъ, по возможности, добрый кормъ и приютъ и смотрѣли за чистотою ихъ.

4) Чтобы не проходили равнодушно и молчаливо, когда видимъ, что другіе жестокіе собратія наши немилосердо тираняютъ творенія Божія.

5) Не нужно быть жестокимъ и въ отношеніи къ дикимъ животнымъ.

Благодать и милость Божія да пребудетъ съ вами и да вселитъ въ сердца ваши милосердіе и благодать не только къ собратіямъ нашимъ о Христвѣ, но и ко всякому живому творенію Божію! Аминь.

(Окончаніе будетъ.)

СОДЕРЖАНІЕ. *Отдѣлъ оффиціальный:* 1) Разныя извѣстія и 2) Отъ Правленія Астраханскаго духовнаго училища. *Отдѣлъ неоффиціальный:* 1) На молитвенныхъ собраніяхъ у Субботниковъ и 2.) Поученія о состраданіи къ животнымъ (продолженіе).

Редакторъ, ректоръ Семинаріи, архимандритъ *Александръ*.

Дозволено цензурою. Астрахань 25 февраля 1877 г. Губернская Типографія.